

УДК 31.001:001

А.В. Чемоданова

ПОНИМАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Автор исследует различные теоретические подходы к анализу корреляции между институционализмом и неoinституционализмом. В статье группы интересов анализируются в качестве политических и правовых институтов, которые обеспечивают общественность правилами и являются наиболее важными политическими подсистемами в современном обществе.

До 50-х годов XX века институциональный подход доминировал в политических науках. Главной задачей политологов было описание конституций, правовых систем и правительственных структур, а также их сравнение в пространственно-временном измерении на международной арене. Институционализм фактически отождествлялся с политологией. Перемены произошли с приходом бихевиоральной революции. Вместо того чтобы принимать за чистую монету функции политических институтов, бихевиоралисты старались выяснить, как и почему личности ведут себя, так или иначе. Сторонники теории рационального выбора стремились к тому, чтобы представить политику в категориях взаимного влияния на основе эгоизма личностей. Иное течение, например, марксизм, систему власти представляло в виде отношений между капиталом и трудом, и выводило отсюда структуру политической деятельности и организацию власти. Представляется, что представители новейших подходов в политической науке хотели бы расстаться с взглядами своих предшественников на институционализм. Их позиция заключается в следующем тезисе: политика – это есть нечто более обширное, нежели формальные установления, касающиеся репрезентации интересов, принятия решений и разработки определенных программ.

Институционалисты в таких условиях посчитали, что их время еще вернется. Большинство институционалистов перешли на позиции таких научных дисциплин как общественная политика и управление, и конституционализм. В конце 70-х годов XX века институционализм фактически вернул свои позиции, когда стали очевидны сложности новых парадигм политической науки. Появился новый институционализм как реакция на недостаточное восприятие социальных факторов в рамках бихевиорализма.

Далее в рамках теории рационального выбора исследователи обратили внимание на влияние институциональных факторов, на структуризацию личностных выборов. Неомарксисты продвинули теорию «регуляции» и «режима», чтобы предпринять анализ изменений конституции, к которому стремились структуралисты 70-х годов XX века.

Новые институционалисты занимают равным образом, как неформальными конвенциями политической жизни, так и формальными конституциями, а также организационными структурами. Ученые стали уделять внимание способам формирования институций посредством ценностей, раскладом сил и шансов, которые существуют в институциональных рамках. Институционалисты считают, что решающим фактором политической жизни является не только влияние институции на личности, но также взаимодействие между институциями и личностями.

«Традиционный» аспект институционализма

Критики традиционного институционализма указывают на его ограниченность, как исследовательского метода. Традиционный институционализм занимался прави-

тельственными институтами, однако свой предмет исследований понимал достаточно узко. Он концентрировал внимание на формальных конвенциях и организациях, а не на неформальных конвенциях, на официальных структурах правительства, а не на более широких неформальных пониманиях функций правления внутри и вне институций. Критики этого подхода старались раскрыть принципы, которые лежали в основе описательной методологии и которые игнорировали теоретические аспекты.

В 80-х и 90-х годах XX в. организация правления не входила в число стагнационных направлений политологии. Например, в исследованиях британских ученых использовались по большей части формально-правовые методы, чтобы сравнить меняющуюся политическую практику с конституционными конвенциями. Реконструкция государства опеки (в Великобритании и других странах) на пути «нового публичного управления» способствовала росту заинтересованности для институциональных установлений, служащих внедрению публичных услуг. Фрагментаризация государства привела к тому, что британские политологи начали стремиться к открытию (часто неформальных институциональных установлений, в рамках которых осуществлялось формирование политики, что отражали анализы «политических сетей» и «ядра экзекютивы»). Будущность институционального подхода представляется как концентрация на институциях, а также на методах истории и права. Однако подобные теории анализа институций могут уступить место новому подходу. Подобные вызовы были сформированы в рамках так называемого «нового институционализма».

Возникновение «нового институционализма»

Несмотря на то, что институционализм никогда на деле не исчезал, до 70-х годов XX века считалось, что он находится за пределами основных течений политологии. Д. Марч и Д. Олсен внедрили термин «новый институционализм», считали, что политические институции «утратили свое назначение в сравнении с позицией, которые они имели в предшествующих политических теориях». Они критиковали главное течение политологии как «редукционистическое» [1]. Бихевиоралисты считали, что институции выделились из агрегаций личностных ролей, статусов и соответствующих реакций. Для сторонников теории рационального выбора (по крайней мере, первой генерации) институции были только аккумуляторами личностных выборов, опирающихся на предпочтения, направленных на максимизацию применения. Д. Марч и Д. Олсен считали, что политические институции играют более автономную роль в процессе формирования политических результатов, утверждая, что «организация политической жизни имеет значение». Например, бюрократические по сути структуры являются аренами, на которых фигурируют социальные силы, представляющие их интересы [1].

Перспектива нового институционализма не имеет четких сторонников. Если старые институционалисты легко относятся к вопросам теории, то новые, наоборот, с энтузиазмом рассматривают теоретические проекты. Там, где традиционные институционалисты применяли описательно-индуктивные методы (пользуясь результатами эмпирических исследований), новые институционалисты экспериментируют с дедуктивными подходами, которые проистекают из теоретических положений на предмет способов функционирования институций. Для наших целей представляется важной классификация в рамках течения нового институционализма по сравнению с нормативными подходами.

Нормативный институционализм показывает, что политические институции влияют на поведение общественных акторов, формируя их ценности, нормы, интересы, тождества и убеждения. В связи с этим определение «нормативный» относится в этом случае к заинтересованности нормами и ценностями, что в значительной мере вытекает из традиций социального институционализма, а не из нормативной теории. Норматив-

ные институционалисты утверждают, что мнимо нейтральные правила и структуры, в сущности, олицетворяют определенные ценности (и расклад сил) и детерминируют соответствующее поведение в определенных контекстах. Институты упрощают политическую жизнь, гарантируя, что «некоторые аспекты принимаются за аксиому при принятии решений по отношению к иным субъектам» [2].

Институционализм рационального выбора содержит положение о том, что институциональные факторы «формируют поведение» и предпочтения личностей, которым следуют его сторонники, в смысле внутренних детерминант и относительной стабильности институций. Политические институты влияют на поведение людей, воздействуют на структуру ситуаций, в которой личности выбирают стратегию реализации и предпочтений. Институты стремятся к получению информации о реальном поведении иных политических субъектов в прошлом, и тенденциях на будущее. В то время как нормативные институционалисты акцентируют внимание на истоках политических институтов в рамках временных и культурологических контекстов, сторонники теории рационального выбора (неоинституционалисты) считают, что институты являются целевыми человеческими конструкциями, которые созданы для разрешения проблем, связанных с деятельностью групповых образований.

Отличительные черты нового институционализма

Нормативный институционализм показывает, как нормы и ценности, воплощенные в политических институтах, формируют поведение личностей.

Институционализм рационального выбора утверждает, что политические институты являются системами правил и стимулов. В рамках этих систем личности стараются максимизировать приспособленность к групповым образованиям.

Исторический институционализм выявляет, каким образом выборы, относящиеся к формированию институциональных правительственных систем влияют на последующее принятие решений личностями.

Эмпирический институционализм наиболее близок к пониманию традиционного институционализма. Классифицирует различные институциональные типы и анализирует их влияние на функционирование правительств.

Международный институционализм доказывает, что деятельность государств осуществляется в рамках структурных ограничений (формальных и неформальных) международной политической жизни.

Социологический институционализм анализирует способ, в рамках которого институты создают условия для личностей. Представители этого течения вырабатывают теоретические предпосылки для нормативного институционализма в политологии.

Сетевой институционализм показывает, как политическое поведение формируется посредством зачастую имеющих место неформальных интеракций между группами и личностями.

Различные версии нового институционализма – это прежде всего звенья научной деятельности, которые формируют институциональное пространство в разных контекстах, а не самостоятельные онтологические феномены. Например, исторический институционализм, который имеет на сегодняшний день наиболее разработанную версию в области эмпирических исследований, имеет достаточно эклектический характер. Таким же образом исследователи, представляющие международный институционализм, одновременно подчеркивают значение ценностей, а также являются сторонниками теории игр [3]. Эмпирический институционализм имеет тесное отношение к теории рационального выбора в той части, что создатели институций могут вполне свободно выбирать институциональные формы. Представители сетевого институционализма утверждают, что общие ценности и цели являются установлениями, которые обеспечивают

стабильность сети, однако, как считают Д. Марч и М. Роудс консенсус является результатом длительного процесса взаимоотношений между акторами с различными ресурсами власти [4]. Для сетевых институционалистов равным образом деятельность групп осуществляется как с помощью норм, так и стратегически рациональные действия групп играют значительную роль в процессе репродукции институций.

Далее постараемся выделить главные черты нового институционализма, вычленив ключевые отличия между нормативным вариантом и вариантом, испирированным теорией рационального выбора. Если мы сформулируем новый институционализм как «широкое, и в тоже время разнородное понятие» [3], то в каком смысле он может олицетворять прогресс в политологических исследованиях институций? Учитывая различия в подходах, все же было бы нецелесообразно остро противопоставлять оба эти варианта. Во многих случаях новый институционализм в сущности опирается на теоретические разработки лучших традиционных институционалистов. Черты нового институционализма можно представить в виде шести аналитических положений:

1. От концентрации внимания на организациях к концентрации внимания на правилах.
2. Переход от формального к неформальному понятию институции.
3. Переход от статистического к динамическому понятию институции.
4. Переход от приверженности ценностным ориентациям к позициям критического отношения к ценностям.
5. Переход от холистического к разноплановому понятию институции.
6. Переход от обособленности институций к взаимосвязи и взаимозависимости.

Тренд «от концентрации на организациях к концентрации на правилах». Новый институционализм отходит от традиций институционального анализа. Он не отождествляет уже политические институции с политическими организациями; политические институции упоминаются лишь, скорее всего, как совокупность правил, которыми руководствуются отдельные социальные актеры и организации.

По мнению исследователей, которые представляют нормативное крыло нового институционализма правила предопределяют «собственное» поведение и деятельность [2]. Для тех ученых, на которых оказали влияние положения теории рационального выбора, правила определяют основные взаимоотношения между акторами которые максимизируют рациональность настоящих условиях [5]. Институции определяют правила игры, а организации также как и личности являются участниками этой игры. Институциональную динамику Министерства Обороны Великобритании, например, лучше всего можно понять, анализируя внутренние комбинации этого министерства на правительственные, юридические, финансовые, которые между собой не всегда взаимосвязаны. Как выяснили Фокс и Миллер, институции – это совокупность правил, которые существуют внутри организации и между ними (а также под ними, над ними и вокруг них) [6]. Хотя организации не отождествляются с конституциями, они остаются важным предметом заинтересованности в рамках анализа, проводимого представителями нового институционализма. Они трактуют организации как совокупных авторов, которые подвержены различным институциональным ограничениям, и той сферы, в рамках которой развиваются и выражаются институциональные правила.

Тренд «от формального к неформальному пониманию институции». В противоположность традиционному институциональному подходу, новый институционализм сконцентрирован на неформальных конвенциях и формальных правилах. Например, в Великобританском локальном самоуправлении новые правила, касающиеся разделения функций исполнительной и законодательной власти, влияют на политическое поведение в большей мере в тех городах, в которых существуют сильные традиции гражданской жизни. Доминирующие неформальные конвенции могут получить перевес

над формальными правилами (как в случае многих инициатив на предмет «равных шансов») либо служить для внедрения и (диффузии) изменений в формальных установлениях.

Тренд «от статистического к динамическому понятию институции». Стабильность является характерной чертой институции. Политическую институцию можно считать стабильным и повторяющимся примером поведения. Представители нового институционализма изучают, каким образом человеческая деятельность производит и политическую, и институциональную стабильность. Институции не являются «вещами», как представлено в традиционных подходах, а являются процессами. Институциональные правила должны поддерживаться на протяжении времени, однако спорным является вопрос, в какой степени напряжение институционального процесса может быть урегулировано правилами.

Тренд «от скрытых ценностей к критическим позициям по отношению к ценностям». Ученые старого институционализма открыто изучали «добroe правительство» и скрытым способом были ангажированы на предмет соответствия ценностей определенной модели правления. В то же время представители нового институционализма стараются идентифицировать разнородные способы установления и формирования институции через ценности данного общества, которые в тоже время могут быть спорными и постоянно изменяться.

Тренд «от холистического к разноплановому понятию институции». Представители старого институционализма описывали и сравнивали между собой целые правительственные системы, в то время, как сторонники нового институционализма сосредоточились на институциях, которые являются составными частями политической жизни: избирательных системах, системах налогов и сборов, процессе принятия решений в правительстве, установлениях, касающихся бюджета или формирования политики, отношениях между правительствами разных государств или правилах принятия решений [3 с. 8–9]. Такие институции выражаются в образе формальных структур и официальных процедур, а также в образе молчаливых договоренностей и конвенций, которые переходят границы между организациями как в рамках публичного сектора, так и вне его. Институции можно считать различающимися в том смысле, что они не могут быть в целом гармонизированными между собой, создавая совокупную целость, а так же представлять собой разрешение, желаемых с функциональной точки зрения проблем. Институции представляют собой уклад сил, показывая определенный способ деятельности, который включает в себя различных социальных актеров и исключает других. Третий источник внутренней дифференциации связан с тем, что институции никогда не являются полностью замкнутыми либо целостными. Институциональные правила могут создавать также различные девиации, конформизм, а также стандарты.

Тренд «переход от автономности к взаимосвязи и взаимозависимости». Представители нового институционализма исследуют, каким образом политические институты являются «укорененными» в конкретных контекстах, даже если они осуществляют это исходя из различающихся позиций. Исторические институционалисты исходят из того, как институциональные выборы осуществляются на предшествующем этапе данного политического пространства, предопределяя ограничения позднейших политических выборов.

Исследователи, придерживающиеся теории рационального выбора, анализируют интеракции между институциональными правилами на различных уровнях. Например, Дитрих Георг фон Кизер и Элинор Остром исследуют различия между операционными правилами (ежедневными), совокупными (правовыми) и конституциями (т.е. правилами, которые сами управляют правилами). По мнению немца Х.-Д. Клингеманна и австралийца Р. Гудина, институциональные правила являются «загнездованными внутри

идущей навверх иерархии все более принципиальных, все более авторитативных правил, режимов, практик и процедур» [7]. Другие институционалисты сосредоточились на характеристиках взаимовлияния локальных институциональных ограничений. Дискуссия на тему социального касается взаимосвязей между институциями гражданского общества и совокупностями политических институций.

Что есть в целом институция?

Представители нового институционализма сходятся на том, что политические институции (группы политических интересов) являются правилами игры. Что же можно отнести к категории правил? Включая в неё как формальные процедуры, так и неформальные конвенции, исследователи, принадлежащие к этому течению, могут создать более претензионный и реалистический образ того, что на самом деле ограничивает политический порядок и процессы принятия решений. Однако расширительной дефиниции институции (группы) угрожает понятийное растяжение – размытость ее значения, когда она начинает включать всё, что регулирует поведение личностей.

Новый институционализм включает в состав неформальных групповых взаимодействий также традиции, обычаи, культуру и навыки, не видит выразительных отличий между институциями и нормами. Как же можно отличить институцию как группу политических интересов от иных социальных феноменов? Ученые, придерживающиеся нового институционализма, сводят слишком много аспектов политической жизни до одной категории, что скрывает разнородность интеракций и причинных механизмов. На практическом уровне: как политологи могут распознавать (и подвергать измерениям) институции как групповые взаимодействия? На теоретическом уровне: как можно избежать ловушек редукционизма и тавтологии? Петерс отмечает: «Если растянуть понятие правил, которые формируют порядок (поведение), таким же образом они включают в себя надуманные правила и договоренности, чтобы предусмотреть случаи, при которых сохранение порядка не соответствует формальным правилам каждой институции (объединения группового), то это позволяет фальсифицировать теорию. Если мы наблюдаем порядки, которые не согласуются с ограничениями, обозначенными формальными правилами, то должны существовать правила, которые не удалось идентифицировать» [9].

Неформальные институциональные правила различаются в смысле этой формулировки от особых навыков либо практических задач: они касаются конкретного политического либо правительственного контекста, узнаваемыми акторами (признаваемые), (хотя они их не всегда удовлетворяют) и можно их описать, а также опознать либо выявить исследователям. Например, стиль и форма задавания вопросов в следственных комиссиях нигде не записаны. Однако их легко идентифицировать как стандартную операционную процедуру, которая структурирует политическое поведение, выражая определенные ценности и уклад сил. Эту стандартную оперативную процедуру можно описать, оценить и сравнить с альтернативными мероприятиями по проведению следствия. В том же плане способ упорядочения своих личных архивов членами данной комиссии – это вопрос личного навыка и рутины, и невозможно признать этот способ неформальной институцией или стандартной оперативной процедурой.

Некоторые личности или группы акторов могут обходить стандартные оперативные процедуры либо манипулировать ими, однако акторы могут помимо этого идентифицировать такие правила и разобраться с их сущностью. Затем новые правила могут быть добровольно согласованы, однако не сразу могут получить статус стандартных оперативных процедур. В политике, как и везде, правила не существуют только для того, чтобы им следовать, но также и для того, чтобы их нарушать.

Понятие стандартных операционных процедур даёт возможность институциона-

листам объединить заинтересованность формальными и неформальными правилами с различиями между политическими институтами и более широкими пониманиями обычаев и навыков. Одновременно соответствующим предметом исследований остается интеракция между политическими институтами и институтами, которые представляют иной спектр гражданского общества. Петерс к месту припоминает представителям нового институционализма о «необходимости тщательной концептуализации, а затем измерения явлений, которые, по мнению учёных, представляют собой институты» [9]. Тем временем в исследованиях, причастных к этому течению на сегодняшний день доминируют исторические, сравнительные методы и методы исследования прецедентов (не отличающиеся значительно от методов лучших традиционалистов), хотя этот анализ выходит обычно за рамки обычных представлений, исходящих из традиционного институционализма.

Откуда произошли институты и как они изменяются?

Стабильность – это отличительная конститутивная черта институции: новый институционализм, однако, плохо сочетается с поисками генезиса и трансформации институций. Способ концептуализации изменений зависит от того, как понимаются зависимости между личностью и институцией. В то время как сторонники теории рационального выбора признают за личностью первичные предпочтения по отношению к институциям, представители иных форм нового институционализма, считают, что предпочтения принадлежат институциям (групповым интересам).

Теория рационального выбора утверждает, что политические институты являются человеческими конструкциями, которые созданы в целях разрешения проблем, связанных с совместной деятельностью, чтобы максимизировать выгоду от сотрудничества. Институции можно ликвидировать, когда они уже не выполняют функции службы интересам социальных акторов. Институции только кратковременно ограничивают рамки поведения личностей. Очевидно, внимание наиболее рафинированных сторонников теории рационального выбора не обошёл факт, что институции укрепляются самостоятельно и являются необычайно устойчивыми образованиями. Ученые утверждают, что акторы изменяют институции только тогда, когда на деле выгоды превышают ожидаемые стоимости изменений, которые включают цену обучения функционирования в рамках новой структуры.

Нормативные институционалисты, которые утверждают, что предпочтения личностей формируются институциями, не имеют понятного ответа на вопрос, почему возникают институции, либо конкретные политические институции. Им лучше удаётся описывать, каким способом институции продолжают функционировать и оказывать продолжительное влияние на акторов. Как считают Д. Марч и Д. Олсен, институции «увеличивают возможность, уменьшают всесторонность», «упрощают» политическую жизнь, заверяя, что «определенные аспекты трактуются как процессы принятия решений по отношению к иным акторам» [2]. В свете формулировок Гидденса [10] структура институции не есть внешний фактор по отношению к личностям, однако сосредоточена в их практиках. Однако, как считают Д. Марч и Д. Олсен, «институциональными акторами управляют институциональные обязанности» в том смысле, что акторы могут подвергнуть критике существующие установления либо создать новые политические институции [2]. Нормативный институционализм оставляет больше места рефлексивности и человеческой субъективности, чем это могло бы выглядеть в первоначальном виде. Представители этого течения считают, что институции постоянно эволюционируют. Признают они также, что правила создают как отклонения и девиации, так и конформизм, а также стандартизацию.

Петерс считает, что нормативный институционализм допускает существование

взаимодействия личностей и институций. Представители исторического институционализма также опираются на эволюционные модели, чтобы выяснить изменения институций, прогнозируя пошаговую приспособляемость к меняющимся обстоятельствам» [9]. Подход, умещающийся в рамках теории рационального выбора, делает акцент на целенаправленную деятельность, однако, и нормативные институционалисты не исключают его употребления. Утверждают, однако, что трудно подвергнуть контролю изменения, возникающие из попыток реформы институции. Определенную роль играет случай – модель процесса принятия решений («роуль в кустах»), однако в рамках контекста, которой институции задаёт власть.

Более того, институции отражают примеры дистрибуционных (распределительных) выгод в процессе борьбы за власть между различными группами, что может привести к проектированию институции заново. Хотя теория рационального выбора дает ценную гипотезу на предмет причин возникновения политических институций, т.е. они возникают в целях разрешения проблем, связанных с групповым взаимодействием, нормативный и исторический подходы направлены на выяснение причин, почему все политические институции не похожи друг на друга. Представители всех течений нового институционализма продолжают заниматься центральным парадоксом, т.е. «двойной жизнью» институций, которые являются одновременно «человеческими творениями» и «самостоятельными социальными силами» [11].

Являются ли нормативный подход и теория рационального выбора совместимыми друг с другом?

Мы постоянно сталкиваемся с вариантами «нормативного» и «рационального выбора». Оба варианта «вмещаются» в рамки течения нового институционализма в политологии, однако, касающиеся влияния институций на политическое поведение, а также между индивидуальными акторами и институциями. Некоторые ученые сомневаются в возможностях совмещения таких различающихся теоретических позиций. П. Холл и Р. Тэйлор считают, что спор между сторонниками нормативной теории и теории рационального выбора напоминает поиски философского камня. Однако теоретические поиски этого сближения различных течений институциональной мысли служат уменьшению онтологической дистанции между ними [12]. Джессор утверждает, что «институциональный поворот» в политологии «можно было бы назвать прагматическим поворотом»: ученые не должны изолировать ни структуры, ни деятельность, направленную на выяснение политического поведения. Политические ученые Гудин и Клингеманн утверждают, что особое значение нового институционализма заключается в его способности к преодолению неконструктивного противостояния между структуралистами и бихевиоралистами, которые сдерживают развитие политологии. Они утверждают, что появление нового институционализма было «наиболее значительным вкладом в дело сближения двух важных течений в политологии». Вполне прагматично они утверждают: «Политологи уже не мыслят в категориях либо-либо, противопоставляя структуру и субъектность, интересы как движущие силы институций. Сейчас многие политологи признают, что имели дело со смесью двух подходов» [7].

Неоинституционализм. Выводы

Новый институционализм можно представить как «обширный, хотя и неоднозначный подход к политике», представителей которого объединяет тезис о том, что «институции являются переменной величиной, объясняющей значительную часть политической жизни, а также фактором, который требует выяснения» [9].

В то время, когда традиционные институционалисты избегают обсуждения и постановку теоретических проблем (под прикрытием тезиса о «здоровом рассудке»), сто-

ронники нового институционализма достаточно четко формируют свои позиции. Новый институционализм не создает никакой конкретной теории, но критическое становление по отношению к теории. Сила нового институционализма заключается в его теоретической разнородности, которая создает возможность оценки конкурентных утверждений, вытекающих из различных политологических теорий. Род Роудс указывает: «Ни одна теория никогда не бывает правдивой, если только она является более или менее поучительной. Можно чего-то дознаться на основе критического анализа одной теории, можно однако узнать значительно больше из сравнительного анализа нескольких теорий, касающихся одной тематики. Такая подразумеваемая теоретическая разнородность исследования может весьма значительно обогатить анализ политических институций» [13].

Итак, что же нового несет за собой новый институционализм, понимаемый как новый широкий теоретический подход и исследовательская парадигма? Он подтверждает то, что исповедовали также лучше ученые среди традиционных институционалистов: политический порядок и политическое поведение формируется посредством политических структур, которые сами являются укорененными исторически и нормативно. Исследователи – сторонники этого течения – пользуются неформальными конвенциями политической жизни, так и формальными конституциями и организационными структурами. Институции олицетворяют ценности и расклад сил, а также преграды, как и способности, которые возникают в институциональном проекте. Неинституционализм предполагает не только влияние институции на личность, но также и интеракции (взаимодействия) между институциями и личностями. В противовес традиционному подходу новый институционализм не удовлетворяется применением описательно-индуктивного метода к получению результатов, но стремится к тестированию теоретических моделей влияния институций на формирование политического поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. March, J. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political life / J. March, J. P. Olsen // *American Political science review*. – 1984. – Vol. 78, № 3.
2. March, J.G. Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics / J.G. March, J.P. Olsen. – N.Y. : The Free Press, 1989.
3. Питерс, Г. Политические институты: вчера и сегодня / Г. Питерс // *Политическая наука: новые направления*. – М. : Вече, 1999. – С. 226.
4. Marsh, D. Policy Networks in British Government / D. Marsh, R. Rhodes. – Oxford, 1992.
5. Weingast, B.R. The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development, Law, Economic and Organization / B.R. Weingast. – 1995. – Vol. 11, № 1. – P. 3–13.
6. Fox, C. Postmodern Public Administration / C. Fox, H. Miller. – Thousand Oaks (Cal.), 1995.
7. A new handbook of political science / Ed. by R.E. Goodin, H.-D. Klingemann. – Oxford univ. press, 1996. (Рус. изд.: *Политическая наука: новые направления* / под ред. Р.И. Гудина и Х.-Д. Клингемана – М., 1999).
8. Норт, Д. Вклад неоинституционализма в понимание проблем переходной экономики : Сайт «Институциональная экономика».
9. Peters, G. Institutional theory in political science: The «New Institutionalism» / G. Peters. – London – N.Y., 1999.
10. Giddens, A. Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives / A. Giddens. – London : Profile.

-
11. Grendstad, G. Cultural theory and the new institutionalism / G. Grendstad, P. Selle // J. of theoretical politics. – 1995. – Vol. 7, № 1. – P. 6.
 12. Hall, P. Political science and the four new institutionalisms / P. Hall, R. Taylor. // Paper presented at the conference «What is institutionalism now?» at the University of Maryland. 1994, September.
 13. Rhodes, R.A.W. The Institutional Approach / R.A.W. Rhodes // Marsh, D., Stoker, G. [eds.] Theory and Methods in Political Science. Basingstoke : MacMillan, 1995.

Chemodanova A.V. Understanding of Institutionalism and Neoinstitutionalism in West European Political Science

The author examines different theoretical approaches to the analysis of the correlation between the institutionalism and the neoinstitutionalism. In the article, the interest groups are analyzed as political and legal institutions which provides publicity of rules and are one of the most important political subsystems of a modern society.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.02.2011